

ВЕЧЕР У КЛӨР

Вся жизнь моя была залогом
Свиданья верного с тобой.

А. С. Пушкин

Клэр была больна; я просиживал у нее целые вечера и, уходя, всякий раз неизменно опаздывал к последнему поезду метрополитена и шел потом пешком с улицы Raynouard на площадь St. Michel, возле которой я жил. Я проходил мимо конюшен École Militaire¹; отсюда слышался звон цепей, на которых были привязаны лошади, и густой конский запах, столь необычный для Парижа; потом я шагал по длинной и узкой улице Babylone, и в конце этой улицы в витрине фотографии, в неверном свете далеких фонарей, на меня глядело лицо знаменитого писателя, все составленное из наклонных плоскостей; всезнающие глаза под роговыми европейскими очками провожали меня полквартала — до тех пор, пока я не пересекал черную сверкающую полосу бульвара Raspail. Я добирался, наконец, до своей гостиницы. Деловитые старухи в лохмотьях обгоняли меня, перебирая слабыми ногами; над Сеной горели, утопая в темноте, многочисленные огни, и когда я глядел на них с моста, мне начинало казаться, что я стою над гаванью и что море покрыто иностранными кораблями, на которых зажжены фонари. Оглянувшись на Сену в последний раз, я поднимался к себе в комнату

¹ Военное училище (*фр.*).

и ложился спать и тотчас погружался в глубокий мрак; в нем шевелились какие-то дрожащие тела, иногда не успевающие воплотиться в привычные для моего глаза образы и так и пропадающие, не воплотившись; и я во сне жалел об их исчезновении, сочувствовал их воображаемой, непонятной печали и жил и засыпал в том неизъяснимом состоянии, которого никогда не узнаю наяву. Это должно было бы огорчать меня; но утром я забывал о том, что видел во сне, и последним воспоминанием вчерашнего дня было воспоминание о том, что я опять опоздал на поезд. Вечером я снова отправлялся к Клэр. Муж ее несколько месяцев тому назад уехал на Цейлон, мы были с ней одни; и только горничная, приносящая чай и печенье на деревянном подносе с изображением худенького китайца, нарисованного тонкими линиями, женщина лет сорока пяти, носившая пенсне и потому не похожая на служанку и раз навсегда о чем-то задумавшаяся — она все забывала то щипцы для сахара, то сахарницу, то блюдечко или ложку, — только горничная прерывала наше пребывание вдвоем, входя и спрашивая, не нужно ли чего-нибудь madame. И Клэр, которая почему-то была уверена, что горничная будет обижена, если ее ни о чем не попросят, говорила: да, принесите, пожалуйста, граммофон с пластинками из кабинета monsieur, — хотя граммофон вовсе не был нужен, и, когда горничная уходила, он оставался на том месте, куда она его поставила, и Клэр сейчас же забывала о нем. Горничная приходила и уходила раз пять за вечер; и когда я как-то сказал Клэр, что ее горничная очень хорошо сохранилась для своего возраста и что ноги ее обладают совершенно юношеской неутомимостью, но что, впрочем,

я считаю ее не вполне нормальной — у нее или мания передвижения, или просто малозаметное, но несомненное ослабление умственных способностей, связанное с наступающей старостью, — Клэр посмотрела на меня с сожалением и ответила, что мне следовало бы изощрять мое специальное русское остроумие на других. И прежде всего, по мнению Клэр, я должен был бы вспомнить о том, что вчера я опять явился в рубашке с разными запонками, что нельзя, как я это сделал позавчера, класть мои перчатки на ее постель и брать Клэр за плечи, точно я здороваюсь не за руку, а за плечи, чего вообще никогда на свете не бывает, и что если бы она захотела перечислить все мои погрешности против элементарных правил приличия, то ей пришлось бы говорить... она задумалась и сказала: пять лет. Она сказала это с серьезным лицом — мне стало жаль, что такие мелочи могут ее огорчать, и я хотел попросить у нее прощения; но она отвернулась, спина ее задрожала, она поднесла платок к глазам, и, когда, наконец, она посмотрела на меня, я увидел, что она смеется. И она рассказала мне, что горничная переживает свой очередной роман и что человек, который обещал на ней жениться, теперь наотрез от этого отказался. И потому она такая задумчивая.

— О чем же тут задумываться? — спросил я. — Ведь он отказался на ней жениться. Разве нужно так много времени, чтобы понять эту простую вещь?

— Вы всегда слишком прямо ставите вопросы, — сказала Клэр. — С женщинами так нельзя. Она задумывается потому, что ей жаль, как вы не понимаете?

— А долго длился роман?

— Нет, — ответила Клэр, — всего две недели.

— Странно, она ведь всегда была такой задумчивой, — заметил я. — Месяц тому назад она так же грустила и мечтала, как сейчас.

— Боже мой, — сказала Клэр, — просто тогда у нее был другой роман.

— Это действительно очень просто, — сказал я, — простите меня, но я не знал, что под пенсне вашей горничной скрыта трагедия какого-то женского Дон Жуана, который, однако, любит, чтобы на нем женились, в противоположность Дон Жуану литературному, относившемуся к браку отрицательно.

Но Клэр прервала меня и продекламировала с пафосом фразу, которую она прочла в рекламной афише и читая которую смеялась до слез:

Heureux acquéreurs de la vraie Salamandre
Jamais abandonnés par le constructeur!¹

Затем разговор вернулся к Дон Жуану, потом, неизвестно как, перешел к подвижникам, к протопопу Аввакуму, но, дойдя до искушения святого Антония, я остановился, так как вспомнил, что подобные разговоры не очень интересуют Клэр; она предпочитала другие темы — о театре, о музыке; но больше всего она любила анекдоты, которых знала множество. Она рассказывала мне эти анекдоты, чрезвычайно остроумные и столь же неприличные; и тогда разговор принимал особый оборот, и самые невинные фразы, казалось, таили в себе двусмысленность — и глаза Клэр становились блестящими; а когда она

¹ Счастливые обладатели настоящей «Саламандры», Никогда не оставляемые фабрикой! (фр.) — *Пер. автора.*

переставала смеяться, они делались темными и преступными и тонкие ее брови хмурились; но как только я подходил ближе к ней, она сердитым шепотом говорила: *mais vous êtes fou*¹ — и я отходил. Она улыбалась, и улыбка ее ясно говорила: *mon Dieu, qu'il est simple!*² И тогда я, продолжая прерванный разговор, начинал с ожесточением ругать то, к чему обычно бывал совершенно равнодушен; я старался говорить как можно резче и обиднее, точно хотел отомстить за поражение, которое только что претерпел. Клэр насмешливо соглашалась с моими доводами; и оттого, что она так легко уступала мне в этом, мое поражение становилось еще более очевидным.

— *Oui, mon petit, c'est très intéressant, ce que vous dites là*³, — говорила она, не скрывая своего смеха, который относился, однако, вовсе не к моим словам, а все к тому же поражению, и подчеркивая этим пренебрежительным «*là*», что она всем моим доказательствам не придает никакого значения.

Я делал над собой усилие, вновь преодолевая искушение приблизиться к Клэр, так как понимал, что теперь было поздно; я заставлял себя думать о другом, и голос Клэр доходил до меня полузаглушенным; она смеялась и рассказывала мне какие-то пустяки, которые я слушал с напряженным вниманием, пока не замечал, что Клэр просто забавляется. Ее развлекало то, что я ничего не понимал в такие моменты.

¹ Но вы с ума сошли (*фр.*). — *Пер. автора.*

² Боже, как он прост! (*фр.*) — *Пер. автора.*

³ Да, то, что вы говорите, очень интересно (*фр.*). — *Пер. автора.*

На следующий день я приходил к ней примиренным; я обещал себе не приближаться к ней и выбирал такие темы, которые устранили бы опасность повторения вчерашних унижительных минут. Я говорил обо всем печальном, что мне пришлось видеть, и Клэр становилась тихой и серьезной и рассказывала мне в свою очередь, как умирала ее мать.

— *Asseyez-vous ici*¹, — говорила она, указывая на кровать, и я садился совсем близко к ней, и она клала мне голову на колени и произносила: — *Oui, mon petit, c'est triste, nous sommes bien malheureux quand même*².

Я слушал ее и боялся шевельнуться, так как малейшее мое движение могло оскорбить ее грусть. Клэр гладила рукой одеяло то в одну, то в другую сторону; и печаль ее словно тратилась в этих движениях, которые сначала были бессознательными, потом привлекали ее внимание, и кончалось это тем, что она замечала на своем мизинце плохо срезанную кожу у ногтя и протягивала руку к ночному столику, на котором лежали ножницы. И она опять улыбалась долгой улыбкой, точно поняла и проследила в себе какой-то длинный ход воспоминаний, который кончился неожиданно, но вовсе не грустной мыслью; и Клэр взглядывала на меня мгновенно темневшими глазами. Я осторожно перекадывал ее голову на подушку и говорил: простите, Клэр, я забыл папиросы в кармане плаща — и уходил в переднюю, и тихий ее смех доносился до меня. Когда я возвращался, она замечала:

¹ Садитесь сюда (*фр.*). — *Пер. автора.*

² Да, это грустно, мы все-таки очень несчастны (*фр.*). — *Пер. автора.*

— J'étais étonnée tout à l'heure. Je croyais que vous portiez vos cigarettes toujours sur vous, dans la poche de votre pantalon, comme vous le faisiez jusqu'à présent. Vous avez changé d'habitude?¹

И она смотрела мне в глаза, смеясь и жалея меня, и я знал, что она прекрасно понимала, почему я встал и вышел из комнаты. Вдобавок я имел неосторожность сейчас же вытащить портсигар из заднего кармана брюк.

— Ditez moi, — сказала Клэр, как бы умоляя меня ответить ей правду, — quelle est la différence entre un trench-coat et un pantalon?²

— Клэр, это очень жестоко, — ответил я.

— Je ne vous reconnais pas, mon petit. Mettez toujours en marche le phono, ça va vous distraire.³

В тот вечер, уходя от Клэр, я услышал из кухни голос горничной — надтреснутый и тихий. Она пела с тоской веселую песенку, и это удивило меня.

C'est une chemise rose
Avec une petite femme dedans,
Fraîche comme la fleur éclore,
Simple comme la fleur des champs⁴.

¹ Я была удивлена. Я думала, что вы носите папиросы в кармане брюк, как вы это делали до сих пор. Вы изменили этой привычке? (фр.) — Пер. автора.

² Скажите мне... какая разница между плащом и брюками?.. (фр.) — Пер. автора.

³ Я вас не узнаю. Заведите граммофон, это вас развлечет (фр.). — Пер. автора.

⁴ Почти непереводаимо. Буквально это значит следующее:

Это розовая рубашка,
Внутри которой — женщина,
Свежая, как распутившийся цветок.
Простая, как цветок полей (фр.). — Пер. автора.

Она вкладывала столько меланхолии в эти слова, столько ленивой грусти, что они начинали звучать иначе, чем обычно, и фраза «*fraîche comme la fleur éclose*» сразу напоминала мне пожилое лицо горничной, ее пенсне, ее роман и постоянную ее задумчивость. Я рассказал это Клэр; она отнеслась к несчастью горничной с участием, потому что с Клэр ничего подобного случиться не могло, и это сочувствие не пробуждало в ней личных чувств или опасений, и ей очень понравилась песенка:

C'est une chemise rose
Avec une petite femme dedans.

Она придавала этим словам самые разнообразные оттенки — то вопросительный, то утвердительный, то торжествующий и насмешливый. Каждый раз, как я слышал этот мотив на улице или в кафе, мне становилось не по себе. Однажды я пришел к Клэр и стал бранить песенку, говоря, что она слишком французская, что она пошлая и что соблазн такого легкого остроумия не увлек бы ни одного композитора более или менее способного; вот в этом главное отличие французской психологии от серьезных вещей, говорил я, это искусство, столь же непохожее на настоящее искусство, как поддельный жемчуг на неподдельный.

— В этом не хватает самого главного, — сказал я, исчерпав все свои аргументы и рассердившись на себя. Клэр утвердительно кивнула головой, потом взяла мою руку и сказала:

— Il n'y manque qu'une chose¹.

¹ Здесь не хватает только одного (фр.). — Пер. автора.

— Что именно? — Она засмеялась и пропела:

C'est une chemise rose
Avec une petite femme dedans.

Когда Клэр выздоровела и провела несколько дней уже не в кровати, а в кресле или на chaise longue¹ и почувствовала себя вполне хорошо, она потребовала, чтобы я сопровождал ее в кинематограф. После кинематографа мы просидели около часа в ночном кафе. Клэр была со мной очень резка, часто обрывала меня, когда я шутил, она сдерживала свой смех и, улыбаясь против воли, говорила: «Non, ce n'est pas bien dit, ça»², — и так как она была в плохом, как мне казалось, настроении, то у нее было впечатление, что и другие все недовольны и раздражены. И она с удивлением спрашивала меня: «Mais qu'est ce que vous avez ce soir? Vous n'êtes pas comme toujours»³, хотя я вел себя несколько не иначе, чем всегда. Я проводил ее домой; шел дождь. У двери, когда я поцеловал ей руку, прощаясь, она вдруг раздраженно сказала: «Mais entrez donc, vous allez boire une tasse de thé»⁴, — и произнесла это таким сердитым тоном, как если бы хотела прогнать меня: ну, уходите, разве вы не видите, что вы мне надоели? Я вошел. Мы выпили чай в молчании. Мне было тяжело, я подошел к Клэр и сказал:

¹ Шезлонге (фр.)

² «Нет, это не остроумно» (фр.). — Пер. автора.

³ «Что с вами сегодня вечером? Вы не такой, как всегда» (фр.). — Пер. автора.

⁴ «Ну, входите же, выпейте чашку чая» (фр.). — Пер. автора.

— Клэр, не надо на меня сердиться. Я ждал встречи с вами десять лет. И я ничего у вас не прошу.

Я хотел прибавить, что такое долгое ожидание дает право на просьбу о самом простом, самом маленьком снисхождении; но глаза Клэр из серых стали почти черными; я с ужасом увидел — так как слишком долго этого ждал и перестал на это надеяться, — что Клэр подошла ко мне вплотную и ее грудь коснулась моего двубортного застегнутого пиджака; она обняла меня, лицо ее приблизилось; ледяной запах мороженого, которое она ела в кафе, вдруг почему-то необыкновенно поразил меня; и Клэр сказала: «Comment ne compreniez vous pas?...»¹, и судорога прошла по ее телу. Туманные глаза Клэр, обладавшие даром стольких превращений — то жестокие, то бесстыдные, то смеющиеся, — мутные ее глаза я долго видел перед собой; и когда она заснула, я повернулся лицом к стене и прежняя печаль посетила меня; печаль была в воздухе, и прозрачные ее волны проплывали над белым телом Клэр, вдоль ее ног и груди; и печаль выходила изо рта Клэр невидимым дыханием. Я лежал рядом с Клэр и не мог заснуть; и, отводя взгляд от ее побледневшего лица, я заметил, что синий цвет обоев в комнате Клэр мне показался внезапно посветлевшим и странно изменившимся. Темно-синий цвет, каким я видел его перед закрытыми глазами, представлялся мне всегда выражением какой-то постигнутой тайны, и постижение было мрачным и внезапным и точно застыло, не успев высказать все до конца; точно это усилие чьего-то духа

¹ «Как, вы не понимали?...» (фр.) — Пер. автора.

вдруг остановилось и умерло — и вместо него возник темно-синий фон. Теперь он превратился в светлый, как будто усилие еще не кончилось и темно-синий цвет, посветлев, нашел в себе неожиданный, матово-грустный оттенок, странно соответствовавший моему чувству и несомненно имевший отношение к Клэр. Светло-синие призраки с обрубленными кистями сидели в двух креслах, стоявших в комнате; они были равнодушно враждебны друг другу, как люди, которых постигла одна и та же судьба, одно и то же наказание, но за разные ошибки. Лиловый бордюр обоев изгибался волнистой линией, похожей на условное обозначение пути, по которому проплывает рыба в неведомом море; и сквозь трепещущие занавески открытого окна все стремилось и не могло дойти до меня далекое воздушное течение, окрашенное в тот же светло-синий цвет и несущее с собой длинную галерею воспоминаний, падавших обычно, как дождь, и столь же неудержимых; но Клэр повернулась, проснувшись и пробормотав: «*Vous ne dormez pas? Dormez toujours, mon petit, vous serez fatigué le matin*»¹, — и глаза ее опять было потемнели. Она, однако, была не в силах преодолеть оцепенение сна и, едва договорив фразу, опять заснула; брови ее остались поднятыми, и во сне она как будто удивлялась тому, что с ней сейчас происходит. В том, что она этому удивлялась, было нечто чрезвычайно для нее характерное: отдаваясь власти сна, или грусти, или другого чувства, как бы сильно оно ни было, она

¹ «Вы не спите? Спите, утром вы будете усталым» (*фр.*). — *Пер. автора.*